

Весь этот новый русский джаз

Игорь Бутман: «О джаз-клубе нужно судить по тому, кто в нем выступал, а не по тому, кто туда ходит»

Сергей Шаповал

Игорь Бутман стал известен отечественной джазовой общественности еще в начале 80-х. Не удовлетворившись лаврами одного из лучших саксофонистов СССР, он в 1987 году эмигрировал в США, где уже существовал его фан-клуб, состоящий из самых знаменитых американских джазменов. Вернувшись в Россию, Игорь Бутман не остался незамеченным и здесь. Сейчас он арт-директор модного клуба Le Club, дирижер собственного биг-бэнда, продюсер американских звезд джаза, ведущий телепередачи «Джазофрения». А также – самый модный в России джазовый музыкант. Человек, добившийся успехов на разных поприщах и вызывающий очень разноречивую реакцию.

Игорь, вы дважды играли перед президентами: в 1995-м перед Ельциным и Клинтоним и в 2000-м перед Путиным и Клинтоним. Что эти эпизоды для вас значат?

– Они важны для меня. Президента страны, где джаз родился, не повели на балет, ему предложили послушать русского джазмена. Здесь важно было не только не облажаться, но и не подвести нашу страну, наших президентов. По-моему, эти выступления оказались приятным удивлением и для Клинтоним, и для наших президентов. Через неделю после кремлевского концерта я встретился с Путиным на даче у Никиты Михалкова, куда он приехал поздравить Никиту Сергеевича с Государственной премией. Владимир Владимирович рассказал мне, что Клинтон был в восторге и назвал меня лучшим саксофонистом мира. Не скрою, приятно слышать такие вещи, особенно из уст президента.

– Думаю, вы знаете лучше меня, что американские похвалы нужно делить даже не на два. Американцу похвалить тебя в превосходной степени и тут же забыть об

этом все равно, что русскому плюнуть.

– Но похвалил?! Похвалил! Есть приятный факт. А потом, я ведь прекрасно понимаю, что не может быть лучшего саксофониста мира, может быть – один из лучших. Как можно говорить о лучшем, когда живут и играют Джо Ловано, Майкл Брекер и другие? Есть еще проблема нашей избыточной скромности. Когда я подхожу к некоторым музыкантам и благодарю за то, что они классно сыграли, мне отвечают: «Ладно, бросай свою американскую ерунду!» С одной стороны, мы самые худшие, с другой – гении, а все остальные пусть идут известно куда. С этим надо бороться.

– О вас бытуют полярно противоположные точки зрения: с одной стороны, лучший саксофонист России, с другой – деловой человек, мастер общения, использующий музыку для достижения успеха. Что бы вы выделили в качестве ведущего фактора?

– Все важно. На эту проблему надо смотреть спокойно. Многого я добился исключительно благодаря музыке. Особенно вначале, когда меня, 17-летнего, пригласил играть Давид Голошкекин. Он меня взял не за умение общаться, а за музыкальные способности. В оркестр Олега Лундстрема я попал точно так же. Когда в Советский Союз приехали Чик Кориа и Гари Бертон, никто не решался с ними сыграть, я отважился на джем-сейшн с ними. Бертон хотел устроить меня на учебу в Америку, но это был 1983 год – о чем можно было разговаривать?! Когда я уехал в Америку, именно Бертон помог мне получить полную стипендию в The Berklee College of Music, к тому же у меня была рекомендация Дэйва Брубэка.

Так вот, у них не было возможности оценить меня как человека, который умеет общаться, а как музыканта – была. Если бы я не умел играть, со всей своей деловитостью я был бы сейчас в другом месте. А в общительности я не вижу ничего плохого, тем более что необходимость в ней возникает после того, как люди меня послушают, а потом решают иметь со мной дело. Так возникали концерты и фестивали. Долго я пытался сде-

Успешный человек Игорь Бутман.

Фото Михаила Циммеринга (НГ-фото)

лать джазовый клуб, ничего не получалось. Вдруг бывший владелец Le Club после одного из моих концертов предложил мне взять на себя артистическое директорство и сделать солидный джазовый клуб. Я его сделал.

Сейчас мне помимо моей воли приходится много общаться по поводу организации фестивалей и других акций, но без подтверждения определенного музыкального уровня я быстро перестану быть интересным.

– Вести деловой образ жизни и оставаться хорошим музыкантом очень трудно. Существует ли опасность дисквалификации?

– Это очень большая проблема. Если начнешь работать на «ав-

топилоте», скоро пропадешь. Несмотря на мою активность, мне удается заниматься два-три часа каждый день. Никакие дела не могут помешать любимому занятию, я держу себя в форме. Главное, чтобы не исчез интерес к музыке, чтобы игра не превратилась в рутину. За разговорами о дисквалификации стоит и очень простая вещь: у нас не любят успешных людей. Принято считать, что талант должен страдать, а успешный человек вызывает раздражение.

– Наверное, многие вам завидуют. Как вы к этому относитесь?

– Иногда меня это подхлестывает. А иногда становится обидно, что человек, вместо того чтобы присмотреться, что делает Бутмана успешным, и попытаться сделать то же самое или даже лучше, злословит и считает себя несправедливо обделенным.

– Вам довелось выступать в нью-йоркском клубе Blue Note – без преувеличения, лучшем джазовом клубе мира, сейчас вы создали подобное заведение в Москве. Можно их сравнивать?

– По уровню выступавших музыкантов они вполне сопоставимы. У нас играли Джо Ловано, Рэнди Брекер, Гари Бертон, Уинтон Марсалис и т.д.

– Имена впечатляют, но эти люди сюда ехали потому, что именно вы их пригласили, а не потому, что марка клуба известна в джазовом мире. Le Club – заведение дорогое, ходит туда определенная публика. Когда я говорил о сравнении, то имел в виду возможность сравнения атмосферы в этих клубах.

– Я считаю, что о джаз-клубе нужно судить по тому, кто в нем выступал, а не по тому, кто туда ходит.

– Но разве не важно, как люди воспринимают и заведение, и музыкантов? Одно дело прийти на музыку, а заодно выпить и закусь, и другое – стучать вилками о тарелки, воспринимающие музыкантов как обычных ресторанных лабухов.

– Эта публика заплатила солидные деньги, поэтому к их шуму

я должен относиться с пониманием. Я отдаю себе отчет в том, что выступаю в клубе, а не в консерватории. В Blue Note обращаются к публике: «Дорогие друзья, из уважения к музыкантам просим вести себя тише, особенно во время соло контрабаса». У нас атмосфера более раскованная: в момент выступления люди могут и пошуметь, бывает, произносят и тосты. Но я знал, на что иду, меня это не смущает. Публика у нас очень хорошая, она хорошо все слышит, даже когда кушает. Мы пока не можем обращаться к людям, как в Blue Note, – они могут уйти от нас. Когда традиция окрепнет, мы будем делать то же самое. Думаю, это произойдет скоро.

Если бы я не умел играть, со всей своей деловитостью я был бы сейчас в другом месте

– То есть вы настаиваете на том, что ваш клуб соответствует мировому уровню?

– Естественно. И не только потому, что здесь играют солидные джазмены, но и потому, что к нам в Le Club приходят солидные люди. У нас были Биньямин Нетаньяху, все наши олигархи, представители администрации президента, супруга премьер-министра, разные депутаты Госдумы и т.д.

– Вы участвовали в проектах, которые в каком-то смысле являются шагами в сторону: вместе с Михаилом Козаковым вы играли в спектакле «Пьеса для Голоса и Саксофона «Иосиф Бродский», написали и исполняли музыку в спектакле «Играем Стриндберг-блюз», с Юрием Башметом сыграли «Джаз-сюиту для альты, саксофона, фортепьяно и оркестра». Насколько эти работы оказались для вас продуктивными?

– Козаков предложил мне сыграть вещи, которые я никогда не играл, например, «Вокализ» Рахманинова или «Арию» Баха. Это не бог весть какие сложные

произведения, но в них есть такие интонационные куски, которые сделали работу над ними интересными. Мы с этим спектаклем проехали по Америке, мне было интересно оказаться в местах, где я не бывал, да еще поиграть для тамошней русской аудитории. И потом, Козаков – интереснейший человек, знаток и музыки, и театра, общение с ним оказалось для меня университетом. Сотрудничество с Башметом возникло благодаря композитору Игорю Райхельсону, который дружил одновременно и со мной, и с ним. Игорь давно хотел написать сочинение, в котором сошлись бы альт, саксофон и фортепиано, так родилась замечательная сюита. Теперь мы с Башметом готовим

новую программу. Классическая музыка джазовому музыканту может дать очень много, приобщение к этому миру для меня чрезвычайно важно.

– Давайте вернемся к прозе жизни. Вас как модного музыканта приглашают играть на закрытых вечеринках?

– Да, и я к этому отношусь совершенно нормально. Некоторое время назад нас пригласили сыграть в каком-то ресторане. Мы пришли, сели, играем спокойную музыку, решив, что людям нужно сопровождение под еду, о программе я даже не думал. Отыграли вещь – нам аплодируют. Я говорю: «Вы не отвлекайтесь, мы вам мешать не будем». Играем – опять аплодируют. Нам на ходу пришлось выстраивать программу. Оказалось, что люди пришли именно на наш концерт. Так получилось, что пригласить квартет Игоря Бутмана стало престижным. Не вижу в этом ничего плохого: с одной стороны, мы можем заработать, а с другой – растет культура, ведь люди захотели джаз, а не какую-то дешевую попу. ■